

УДК 316.35

**КУЛЬТУРНЫЕ ПАТТЕРНЫ
МОЛОДЁЖНОГО
ЭКСТРЕМИЗМА
В СОВРЕМЕННОМ
РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ**

**CULTURE PATTERNS
OF YOUTH EXTREMISM
IN MODERN
RUSSIAN
SOCIETY**

Рябинская Татьяна Сергеевна

Аспирант, Институт сферы обслуживания
и предпринимательства (филиал)
Донского государственного технического
университета в г. Шахты,
e-mail: ejik_90@mail.ru

Ryabinskaya Tatiana S.

Postgraduate student,
Institute of Entrepreneurship and Service
sector (branch) of Don State Technical
University, Shakhty,
e-mail: ejik_90@mail.ru

В статье рассматриваются ведущие культурные паттерны молодёжного экстремизма, определяющей доминантой большинства форм которого становится контркультурный консерватизм, направленный против гуманистических требований современной цивилизации. Проводится социокультурный анализ СМИ и официальной статистики, позволяющий сделать вывод о том, что проблема молодёжного экстремизма, имеющая ярко выраженный международный характер, должна рассматриваться в контексте проблем культурной глобализации. Особое внимание уделено автором роли сети Интернет в формировании у молодёжи клипового сознания, подверженного некритичному восприятию культурных программ экстремистской направленности.

The article deals with the leading culture patterns of youth extremism, The countercultural conservatism directed against humanitarian requirements of modern civilization becomes the determinant dominant of the majority of forms. The socio-cultural analysis of media and the official statistics is conducted. It allows to conclude that the problem of youth extremism with a pronounced international character, should be considered in the context of cultural globalization. Particular attention is given to the role of the Internet in the shaping of clipping consciousness of young people, exposed by the uncritical perception of extremist cultural programs.

Ключевые слова: молодёжный экстремизм, культурные паттерны, культурный консерватизм, массовая культура, хоррор, клиповое сознание, культурная глобализация.

Keywords: youth extremism, culture patterns, cultural conservatism, mass culture, horror, clipping consciousness, cultural globalization.

Экстремистские проявления российской молодёжи во многом определяются глобальной контркультурой и субкультурой терроризма, обладая тенденциями социального воспроизводства по определенному образцу. Поэтому при анализе проблемы молодёжного экстремизма необходимо выделить культурные паттерны, служащие его опорой. *Среди них в первую очередь доминируют паттерны экстремизма на почве этнического национализма и религиозной нетерпимости по отношению к представителям других конфессий.* В начале XXI в. именно они стали драйверами молодёжного экстремизма, тогда как в XX в. с ними активно соперничали – и даже превалировали над ними – паттерны леворадикального, коммунистического и анархистского происхождения, теоретической основой которого в той или иной степени выступал марксизм.

В основе возникновения экстремизма в качестве социокультурного феномена лежит коллизия общественных норм, многие из которых в процессе развития деформируются и приобретают новые содержания. Д.В. Гуськов отмечает, что утрата социальными нормами их регулятивных функций является одним из основных условий возникновения экстремизма: «в результате происходит конфликт новых и старых норм, итогом которого может быть замена устаревших норм на новые, сопровождающаяся проявлениями экстремизма как по отношению к прежним, так и новым нормам» [1, с. 14].

Действительно, определенные формы культурной интеракции, воспринимавшиеся в прошлые исторические эпохи как норма, в процессе цивилизационного развития утратили свой нормативный статус – тем не менее большая часть идеологов экстремизма обосновывают свои убеждения именно «верностью прошлому», а их интеллектуальным базисом продолжают оставаться традиции. В наибольшей степени это свойственно религиозным экстремистам, ратующим за возвращение прежних традиций и взывающим к восстановлению «священного прошлого». Перефразируя М. Вебера, можно сказать, что они желают вновь «заколдовать» окружающий мир, обосновывая свою деятельность теологическими положениями и догмами.

Сторонники же леворадикальных идеологий пытались и пытаются обосновать собственные экстремистские действия с позиций науки (марксизма и критической теории общества), а экстремисты националистического толка часто стремятся создать некий причудливый синтез науки и религии – например, представители русских неонацистов неоязыческого течения популяризируют так называемую альтернативную науку, основанную на «древних», «тайных», «арийских» знаниях.

В целом же можно констатировать, что экстремисты так или иначе стремятся легитимизировать свои действия, стараясь изложить их в «рациональной» форме, оперируя при этом к мудрости предшествующих поколений (предков) или напрямую к божественному откровению. Интенсификация процесса роста экстремистских идеологий не в последнюю очередь связана, на наш взгляд, с ослаблением научных знаний в массовом сознании населения, в том числе в общественном сознании российской молодёжи [2, 3].

Согласно официальной статистике МВД РФ, начиная с 2011 г. наметилась новая волна роста террористических преступлений [4]. Данная тенденция обусловлена усилением международной террористической активности в связи с итогами «арабской весны» и созданием квазигосударственного образования ДАИШ (ИГИЛ). Участились и случаи экстремистских преступлений, связанных с распространением материалов пропагандистского характера, призывающих российскую молодёжь к ненависти на межэтнической и межрелигиозной почве, а также к участию в деятельности международных террористических организаций. Это свидетельствует об усилении культурного противостояния и повышении роли экстремистской идеологии в процессе так называемой информационной войны.

В деле ведения последней, по мнению отечественных исследователей, особую роль играет сеть Интернет, гарантирующая личности «избирательный подход к потреблению информации без характерной для СМИ назойливой назидательности» [5, с. 78]. В Сети молодые люди стремятся обрести свободу от официальной идеологии, которую транслируют центральные СМИ, но, к сожалению, зачастую поиск альтернативных интерпретаций патриотизма и исторического прошлого нашей страны приводит молодёжь прямо в лагерь экстремистских идеологий. Усиление контроля над сетью Интернет со стороны органов безопасности, с одной стороны, отсекает каналы поступления экстремистской информации, но с другой – повышает её запретную «ценность».

Важно учитывать, что множество материалов пропагандистского характера, распространяемых посредством сети Интернет под видом культурного наследия (например, музыки, исторической и духовной, псевдопатриотической литературы), в значительной степени маскируются провайдерами экстремизма с целью скрыть реальные цели, направленные на культурную перекодировку российской молодёжи. Как отмечают отечественные исследователи Е.О. Кубякин и А.Н. Сафронов, плоды научно-технической революции в виде новых средств и способов коммуникации, упростивших доступ к информаци-

онным ресурсам, изменили сам облик молодёжного экстремизма. Учёные подчёркивают, что новые социокоммуникативные условия «не препятствие, а скорее наоборот, благоприятная среда для экстремистской экспансии.

В условиях глобализации и информатизации социума, когда барьеры контроля и управления информационными потоками практически сняты, а национальные границы государств нивелированы, главным образом в коммуникативном аспекте, молодёжные экстремистские движения получили дополнительные помогающие условия для воздействия на сознание и поведение молодежи» [6, с. 101]. Примечательно, что являющийся продуктом глобализации Интернет стал активно использоваться антиглобалистами, в том числе и экстремистской направленности.

В новом – информационном – обществе проблема молодёжного экстремизма приобрела международный характер. В контексте тотальной перестройки ценностных ориентаций происходит формирование клипового сознания молодёжи, что в немалой степени способствует популяризации экстремистских идеологий в её среде, поскольку с изменением превалирующих культурных ценностей автоматическим образом меняются как цели, так и поведенческие стратегии молодёжи, способные выражаться в крайних контркультурных формах. Основным мотивом молодых экстремистов становится поиск новой духовности или даже религии, обретаемых на пути героизации насилия и нарушения принятых в обществе норм политической корректности и толерантности.

Сегодня культурно-мировоззренческий уровень молодых людей в значительной степени формируется просмотром клипов (роликов), которые не вызывают к понятийному мышлению, а ориентируют их в первую очередь на аффективное переживание. Само слово *clipping* обозначает тематическую подборку газетных вырезок; клип «прост, как натюрморт. Это лоскут, часть, не отсылающая к целому. И одновременно клип требует грёз, фантазий, которыми заполняется место отсутствующего целого» [7, с. 7]. Этим умело пользуются пропагандисты из числа международных террористических организаций, внедряющие в сознание молодых людей культурные программы с использованием возбуждающей музыки и красочного видеоряда, способного захватить воображение, погрузить его как в собственные, так и в навеянные извне грёзы. В результате сознание молодёжи приобретает фрагментированный характер. Данному процессу способствуют присущая молодым людям мечтательность и романтическая настроенность.

Исследователи справедливо отмечают, что за практиками экстремизма зачастую стоят факты цивилизационного исключения отдельных культур, которые почти все в недавнем прошлом пережили эпоху колониализма. Для этих культур в первую очередь неприемлемы западные ценности, которые во многом отождествляются с колониальным наследием. Именно им, исключённым из информационного уклада экономики глобальной сети или сопротивляющимся последствиям глобализации, экстремистские организации и предлагают локальные идентичности в качестве альтернативных способов конструирования значений в обществе. По С.Л. Кропотову такие организации характеризуются следующими чертами:

1) реактивностью по отношению к превалирующим социальным тенденциям;

2) появлением качества «оборонительной идентичности», которая функционирует как пространство «убежища и солидарности» перед лицом враждебного окружения;

3) они конструируются вокруг особой системы ценностей, производства значений, стремление разделить которые и маркирует специфические коды самоидентификации (сообщества верующих, регионалисты, националисты) [8, с. 225–226].

Откровенно террористические тенденции в отдельных развивающихся странах зачастую подпитываются их депривацией на почве не востребоваемости, которая во многом связана с отставанием в сфере инноваций и экономического производства, а также являющаяся побочным процессом неоколониальной политики развитых стран Запада в их отношении.

Рост экстремизма может быть обусловлен и отсутствием видимых перспектив в сфере науки и образования. В России многие молодые люди, встающие на путь экстремизма, зачастую или не желают учиться, или же не видят пользы от полученного светского образования. В силу непривлекательности для них науки молодые люди переключаются на поиск политических приключений и религиозных идеалов, со временем приобретающий экстремистскую направленность, поскольку официальные партии и традиционные конфессии их не удовлетворяют. Отсюда проистекает стремление молодёжи участвовать в сектантских объединениях, внутренняя интеракция которых основывается на близких межличностных связях.

Многие молодые люди озабочены поиском общности вне семьи, которая позволит воспроизвести с её помощью «братские» узы. Кроме того, религиозная секта – или банда скинхедов – выполняет для моло-

дых экстремистов функцию peer-group (группы равных) – молодёжной субкультуры, где отношения между сверстниками заменяют молодому человеку семью и существенно снижают воздействие на него со стороны официальных институтов и доминирующей в обществе культуры. Вместе с тем экстремизм в сознании молодёжи приобретает романтическую окраску, что способствует его дальнейшему переходу из сферы представлений и фантазий в сферу активной деятельности.

Таким образом, молодые экстремисты в своих действиях, как правило, ориентируются на псевдонаучные теории (главным образом это самые разнообразные расистские учения) или же напрямую черпают вдохновение из мифов и религиозных представлений прошлого. Поэтому необходимо в целях профилактики молодёжного экстремизма критически анализировать те или иные представления, способные привести к делинквентным социальным действиям на почве этнической, религиозной ненависти. Причём важно понимать, что такие экстремистские по своей сути представления возникают как побочный продукт гуманитарных знаний, вытесненных на периферию научного дискурса, то есть набора культурных знаний, превратившихся в маргинальные.

Сегментарность индивидуального и общественного сознания молодёжи, формируемая в условиях неопределённости, риска и процессов глобализации, конституирует различные, зачастую несовместимые между собой жизненные миры. В данной связи С.Л. Кропотков справедливо отмечает, что конфликтность отношений между несовместимыми жизненными мирами внутри культурных сообществ реализуется сегодня либо как культурные войны, либо как культурные политики, причём и те и другие «являются стратегиями сопротивления, реакцией на негативные последствия современной глобализации (исламские фундаменталисты, национал-большевики, православные братства и т.п. “сообщества сопротивления”). Различия между ними в том, что к войнам прибегают консерваторы с целью сохранения расшатанных устоев идентичности, мыслимых пределов возможного» [8, с. 215].

Пожалуй, доминирующей тенденцией современного молодёжного экстремизма становится именно консервативный характер его контркультуры, сопровождающийся выбором в пользу архаических форм идентичности. Можно сказать, что экстремистские проявления молодёжи стремительным образом архаизируются. Паттерны (образцы) экстремизма обращены в прошлое человечества, а не ориентированы на будущий гуманистический прогресс. Именно поэтому молодые экстремисты стремятся отстаивать традиционные ценности, понимаемые

на свой лад; их привлекает архаическая жестокость, которая на предшествующих этапах развития человеческой культуры рассматривалась как норма.

Наиболее крайние формы экстремизма, откровенный терроризм открыто демонстрируют и стремятся к легитимизации человеческих жертвоприношений. Сюда, несомненно, можно отнести варварское и в то же время нарочито демонстративное, направленное против современной цивилизации массовое отрезание голов исламистскими террористами из ДАИШ (ИГИЛ).

В то же время массовая культура западного общества также демонстрирует различного рода хоррор, с множеством расчленений живых тел. Массовая культура стран Запада, прежде всего через киноискусство, приучает воспринимать многих молодых людей различные формы изощренных убийств и актов насилия как нечто само собой разумеющееся.

Не секрет, что авторы пропагандистских фильмов из запрещенной в России террористической организации ИГИЛ вполне освоили западные технологии массовой кинокультуры и понимают особенности функционирования клипового сознания современной молодёжи. В результате молодой человек, воспринимающий подобные культурные паттерны, непосредственным образом подвергается импринтингу, который в дальнейшем может стать движущим мотивом проявления насилия. Таким образом, крайности сходятся, и экстремистские тенденции на почве гипертрофированного традиционализма, проявляющегося в агрессивной форме, во многом совпадают с архаизированными образами насилия, которые активно транслируются массовой культурой.

Определенного рода стремления не отстать от первых (исламистских) организаций проявляются также в деятельности молодёжных неонацистских группировок, которые пытаются осуществить или хотя бы имитировать человеческие жертвоприношения, где в роли жертв выступают мигранты – главным образом выходцы из Средней Азии. Естественно, что в рамках христианской культуры, где в опыте верующих культивируется жертва Иисуса, практики человеческих жертвоприношений уже невозможны. Поэтому многих молодых экстремистов из числа неонацистов христианство как система ценностей и теоретическая база уже не удовлетворяет, что обуславливает их интерес к язычеству.

Как справедливо отмечают отечественные исследователи религии, в частности М.П. Мчедлов, «неоязычество – это одна из защитных реакций современного общества, оторванного от природы и родовых

корней технократической цивилизацией» [9, с. 479]. Вместе с тем искусственно возрождаемые языческие традиции в форме неоязычества становятся мощными проводниками экстремистской направленности молодежи. В значительной степени они также выступают в качестве источника антисемитизма, отрицания всего культурно-исторического наследия авраамических религий, поскольку с ультраправых – и зачастую экстремистских – позиций христианство рассматривается как продукт еврейской культуры, приведший к духовному рабству славян, резко ослабивший их волю к сопротивлению и свободе.

Данные социологических опросов, проведенных «Левада-центром» на предмет распространенности взглядов в духе русского национализма среди населения, показывают, что идея «Россия для русских» в той или иной мере устойчиво поддерживается большинством россиян (66 % в октябре 2013 г). Согласно статистике ВЦИОМ, заметное снижение национализма произошло только в 2015 г. в связи с украинским кризисом и присоединением Крыма [10, с. 158]. Можно констатировать, что присоединение Крыма привело к тому, что многие русские националисты стали на сторону российской официальной власти в решении данного вопроса и вопросах геополитики. Кроме этого, присоединение Крыма и война на Донбассе привели к расколу в рядах русских националистов, что также повлекло снижение их экстремистской активности внутри страны. В то же время русские националисты по-прежнему не удовлетворены культурной политикой государства, проводимой в отношении русского этноса.

Культурные аттитюды российской молодежи во многом определяются её отношением к западной цивилизации, достижения которой в области науки, литературы, искусства и киноискусства по-прежнему являются для молодых россиян значимыми образцами. Исследования, проведенные Ф.Э. Шереги, показали, что доля молодежи, оценивающей западную цивилизацию в целом положительно, но при этом воспринимаящей её критично, велика и составляет 75 % от опрошенной аудитории. Доля же молодежи, совершенно не принимающей западную цивилизацию, относительно невелика [5, с. 21].

Интересно также отметить, что положительное отношение к западной цивилизации в целом характерно не только для молодых русских, но и для большинства народов России, включая этносы, традиционно исповедующие ислам. Подобный исследовательский результат, полученный Ф.Э. Шереги, обнаруживает несправедливость распространенного мнения о том, что мусульманская молодежь России переориентируется на исламские ценности и арабскую культуру. Соответственно,

и интерес российской молодёжи, традиционно исповедующей ислам, к арабской культуре (языку, литературе, музыке), который по-прежнему высок, не может рассматриваться однозначно как угроза повышения экстремистской активности на почве религиозного экстремизма.

Таким образом, можно сделать вывод, что ведущие культурные паттерны, приводящие к экстремистскому поведению молодёжи, являются искаженными формами понимания молодыми людьми патриотизма. Данные паттерны – это этнический национализм и терроризм на базе искаженных представлений о религии. Вышеприведенные образцы могут существенным образом смешиваться, создавая сепаратистскую мотивацию экстремистских действий, как это проявляется, например, на территории Северного Кавказа. Это не в последнюю очередь связано с тем, что религиозные конфессии в России традиционно обладают мощным этническим базисом. Важно отметить, что экстремисты националистического плана также в значительной степени нуждаются в религиозной легитимации. Отсюда проистекает, на наш взгляд, стремление многих русских националистов к возрождению культурных традиций язычества, которые часто происходят под предлогом возрождения так называемой воинской культуры [11].

В целом паттерны экстремизма имеют ярко выраженную тенденцию к легитимации первобытных (архаичных) форм насилия. Однако же многое из того, что совершают экстремисты на почве межэтнической и межконфессиональной ненависти (изощренные убийства людей, массовые теракты), имеет свои источники в современной массовой культуре (например, фильмы ужасов, хоррор, который стал сегодня её неотъемлемым элементом).

Проведенный нами социокультурный анализ разнообразных источников, СМИ и официальной статистики позволяет сделать вывод о том, что проблема молодёжного экстремизма имеет ярко выраженный международный характер, связанный с проблемами культурной глобализации.

В процессе распространения экстремистских взглядов среди молодёжи немаловажную роль играет сеть Интернет, просмотр клипов (роликов) в которой способствует формированию у молодых людей клипового сознания. Важно учитывать, что для экстремизма молодёжи в России, как и во всём мире, определяющей доминантой становится контркультурный консерватизм, во многом направленный против гуманистических требований современной цивилизации. Молодые люди, попадающие в поле воздействия экстремистских организаций и неформальных сообществ, озабочены поиском общности, интеракция в

которых основывается на близких межличностных связях и может выступать «заменителем» семьи, воспроизводящим архаические формы «братства».

Литература

1. Гуськов Д.В. Экстремизм в культуре // Человек в мире культуры. 2012. № 4.
2. Воденко К.В., Черных С.С., Самыгин С.И. Социальная антропология. Ростов н/Д., 2014.
3. Воденко К.В., Буркина Л.С. Креативность и творчество в структуре социокультурных процессов: девиантное самоутверждение личности в эпоху массовой культуры // Социально-гуманитарные знания. 2014. № 11.
4. Официальный сайт МВД РФ. Состояние преступности [Электронный ресурс]. URL: <https://mvd.ru/folder/101762/item/7087734/> (дата обращения: 30.04.2016).
5. Шереги Ф.Э. Российская молодежь: настроение, ожидания, ценностные ориентации. М., 2013.
6. Кубякин Е.О., Сафронов А.Н. Информационный экстремизм в среде молодежи как деструктивный феномен современного российского общества // Вестник Краснодарского университета МВД России. 2013. № 4.
7. Гиренок Ф.И. Клиповое сознание. М., 2016.
8. Кропотков С.Л. Сцена террора в культурных войнах: проблемы воображаемой общности и политики идентичности // Гражданские, этнические и религиозные идентичности в современной России. М., 2006.
9. Мчедлов М.П. Российская молодежь: проблемы и решения. М., 2005.
10. Реутов В.Е., Филонов Н.В. Факторы распространения молодежного экстремизма в России // Научные ведомости Белгородского государственного университета. 2015. № 9.
11. Самыгин С.И., Воденко К.В., Нечипуренко В.Н. Религия и политика. Ростов-на-Дону, 2016.

References

1. Gus'kov D.V. Ekstremizm v kul'ture // Chelovek v mire kul'tury. 2012. № 4.
2. Vodenko K.V., Chernyh S.S., Samygin S.I. Social'naya antropologiya. Rostov n/D., 2014.
3. Vodenko K.V., Burkina L.S. Kreativnost' i tvorchestvo v strukture sociokul'turnykh processov: deviantnoe samoutverzhdenie lichnosti v epohu massovoy kul'tury // Social'no-gumanitarnye znaniya. 2014. № 11.
4. Oficial'nyy sayt MVD RF. Sostoyanie prestupnosti [Elektronniy resurs]. URL: <https://mvd.ru/folder/101762/item/7087734/> (data obrascheniya: 30.04.2016).
5. Sheregi F.E. Rossiyskaya molodezh': nastroyenie, ozhidaniya, cennostnye orientacii. M., 2013.
6. Kubyakin E.O., Safronov A.N. Informacionniy ekstremizm v srede molodyozhi kak destruktivnyy fenomen sovremennogo rossiyskogo obschestva // Vestnik Krasnodarskogo universiteta MVD Rossii. 2013. № 4.
7. Girenok F.I. Klipovoe soznanie. M., 2016.
8. Kropotov S.L. Scena terrora v kul'turnykh voynah: problemy voobrazhaemoy obschnosti i politiki identichnosti // Grazhdanskie, etnicheskie i religioznye identichnosti v sovremennoy Rossii. M., 2006.
9. Mchedlov M.P. Rossiyskaya molodezh': problemy i resheniya. M., 2005.
10. Reutov V.E., Filonov N.V. Faktory rasprostraneniya molodyozhnogo ekstremizma v Rossii // Nauchnye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. 2015. № 9.
11. Samygin S.I., Vodenko K.V., Nechipurenko V.N. Religiya i politika. Rostov-na-Donu, 2016.